

18+

Дарьяна Садчикова

**ТУМАННОСТИ
ПОДСОЗНАНИЯ**
рассказы

Дарьяна Садчикова

**Туманности
подсознания. Рассказы**

«Издательские решения»

Садчикова Д. А.

Туманности подсознания. Рассказы / Д. А. Садчикова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930177-2

Хотите с помощью лифта попасть в параллельный мир неприятных воспоминаний и кошмаров? Или побывать на детском празднике с пугающим и немного поехавшим аниматором? А, может, погрузиться в разум наркомана, убитого жизнью и личным горем? Страницы этого сборника окутаны пеленой тревоги и напряжения. Готовы ли вы нырнуть в это с головой?

ISBN 978-5-44-930177-2

© Садчикова Д. А.
© Издательские решения

Содержание

Лифт-проводник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Туманности подсознания Рассказы

Дарьяна Алексеевна Садчикова

© Дарьяна Алексеевна Садчикова, 2018

ISBN 978-5-4493-0177-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лифт-проводник

Около дома номер девятнадцать снова стояла машина скорой помощи. Третья за эту неделю. И всё по одной причине, которая напрягала жителей первого подъезда. Эти случаи – ещё одни загадки человечества. Такие же, как и бермудский треугольник, к примеру. Ну, разве можно было задохнуться в лифте?! Конечно, скажете вы, почему нет? Могла сломаться вентиляция, а на улице было выше тридцатки. Но! На улице шёл дождь, и солнце было видно только утром, так как громоздкие облака загораживали его. Не очень-то похоже на невыносимую жару, не так ли?

Дверь подъезда была распахнута, и её подпёрли большим плоским камнем, чтобы не закрывалась. Из подъезда, спиной вперед, вышел молодой санитар в синем костюме, держа в руках концы носилки. Рукава его комбинезона были ему словно слишком длинны, и они ниспадали на кисти рук, почти полностью закрывая их. С другой стороны ему помогал напарник, тоже молодой, но опыта работы у него явно было больше: около уголков глаз и рта были маленькие морщинки, говорящие о нелёгкой и нервной работе, да и выглядел он более хладнокровно и серьезно, чем тот – помладше. Взгляд малого был наполнен страхом и растерянностью, словно он сам убил парня.

Бабки, проводящие свою старость, свои последние деньки, у подъезда на старых стульях, сначала молчали, а потом одна из них – самая старая – потревожила молодых людей в синих костюмах:

– Из-за чего он? – несмотря на беззубость, старушенция говорила довольно внятно.

– Задохнулся, – ответил тот, что поопытнее.

Малой, похоже, говорить совсем не мог, а глаза его густо слезились.

– Новенький, – оправдал его санитар.

Они погрузили тело в машину, на боку которой были огромные цифры ноль и три, и, тарыхтя мотором, уехали со двора.

Вслед за санитарами вышли два лифтера и что-то живо обсуждали, не замечая бабушек на стульях.

– Вы починили лифт? – спросила одна из них.

Лифтер расхохотался. Его смех поддержал другой.

– Нет, конечно, вы что! Кто лифты за полчаса чинит? – не прекращая смеяться, ответил лифтер. – Мы выслали к вам нашего помощника. Он всё осмотрит и нам сообщит. Мы уже там займёмся ремонтом.

– А почему вам сразу не осмотреть наш лифт?

– Ха! Ещё чего? Руки марать грязной работой? Нет, спасибо.

Лифтеры, под совместный хохот, сели в старый ВАЗ и покинули двор. Да, они назвали осмотр лифта «грязной работой». Она, видите ли, для тех, у кого стан пониже.

– Так и надо было Славке! Вечно он свою сатанинскую музыку на всю квартиру слушал! Это она виновата! – возникла опять та беззубая бабка, словно забыв о двух мужчинах.

Но Славкина музыка здесь совсем не причём. Как было сказано ранее, он стал третьей жертвой лифта-убийцы (такое название ему дали дети, которые расписали весь лифт изнутри одним и тем же словосочетанием). И везде один итог – задохнулся! Даже пловец Серёжа с девятого этажа, у которого дыхалка ого-го, не смог просидеть в застрявшем лифте ровно двадцать три минуты. Чёрт! Всего двадцать три минуты! Ну, нереально было задохнуться! Не-ре-ально! Второй жертвой стал лысый дядечка с пятого этажа. Ладно, у него была астма, и, возможно, он забыл ингалятор дома, но всё же!.. Кстати, все они, как и Сергей, пробыли в застрявшем лифте двадцать три минуты. Ни секундой больше, ни секундой меньше. И, по словам врачей, умирали они чуть ли не тогда, когда их высвобождали.

– Тебе-то какое дело, что он в своей квартире слушал? – решила влезть бабуля в цветном платке, – Ты живешь на другой стороне и на два этажа выше!

Беззубая, поджав губы, промолчала, но что-то внутри хотело ещё поспорить, повозмущаться.

– Сколько раз говорить этим жирным мордам в ЖКХ, что лифты-то пора менять?! Я именно на этом каталась, когда замуж выходила! С того момента его, вроде, даже и не чинили, – начала крутить свою шарманку горбатая старуха, – Мне уж самой приходится тащиться на четвертый этаж, потому что боюсь так же посинеть! А знаете, спина-то у меня отнюдь не здоровая! – ворчала она.

– Я всё равно поднимаюсь по лестнице, – пропищала бабулька в платке.

Две других начали закипать, и были готовы вылить на соседку все возмущения, но к подъезду подошёл Степан Геннадьевич – лифтер, который занимался «грязной работой», и помешал старческим дискуссиям. Он шёл, слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Такая уж у него была походка. Степан был снова в плохом настроении, и причина тому – дети. Дети прокололи колёса его белой «Волги», поэтому Кабанов вынужден который день ходить пешком. Починить-то он не мог: последние деньги Степан Геннадьевич потратил на новый ящик для инструментов. Красный! Ах, какой ящик! Двухэтажный! С отделами для болтов, шурупов и..! Это заставляло Кабанова *улыбаться*. А *улыбался* он не так часто, как хотелось бы.

– Добрый день, Степан Геннадьевич, – в голос крикнули бабульки с натянутой, фальшивой улыбкой, которая тут же исчезла, когда Кабанов промывчал в ответ.

– Вечно этот алкаш не в настроении! – забубнила беззубая.

Она думала, что сказала это тихо, но Кабанов услышал и окинул её презрительным взглядом.

«Ещё эта старуха лезет! И так настроение ужасное! – подумал мужчина, – Могу вообще ничего не чинить. Пусть не ноет, когда застрянет и задохнется в этом лифте! Вот и сказочке конец!».

Степан ненавидел ворчливых старух ровно так же, как и детей с подростками. Несмотря на свои мысли, он зашёл в подъезд, чтобы разобраться с этим проклятым лифтом. Кабанов осмотрит его и доложит начальству. А они уже там разберутся: менять лифт или не менять. Может, подкрутят пару болтов – и дело с концом!

Степан Геннадьевич прошёл в удивительно чистый подъезд со свежеевыкрашенными стенами, которых ещё не касался маркер в руке подрастающего уличного художника, то есть вандала. Называйте, как хотите! Степан всё равно не любил это «подрастающее поколение», будь они хоть кем. Неизвестно, откуда возникла такая ненависть. Что-то из детства? Все же проблемы родом из детства, верно?

Кабанов нажал на кнопку вызова, и скрипучие двери лифта сразу же открылись. Внутри было душно, стоял спёртый запах. Трупом не пахло. Хотя, тело-то пролежало совсем немного. Степан представил, как вот так вот нажимает на кнопку, чтобы вызвать лифт. Двери открылись. Мужчина готов был шагнуть, но в лифте лежал человек, с открытыми нараспашку глазами и ртом, с высунутым языком.

Бр-р-р! Жуть!

Кабанов зашёл в лифт и нажал на кнопку девятого этажа, чтобы, так сказать, лично протестировать машину. Лифт медленно закрыл свои двери и, так же медленно, тронулся с места, периодически раздражающе поскрипывая. Вот он поднялся на второй этаж, третий, четвертый. Лифт тряхнуло, и он встал, едва не доехав до пятого этажа.

– Ну, вот и приехали! – безэмоционально объявил Степан Геннадьевич и ткнул толстым пальцем на кнопку, на которой, когда-то, красовался колокольчик.

Тишина. Он ткнул ещё раз. Итог очевиден.

– Су-у-упер... – разочарованно выдохнул мужчина.

Он поставил свой новый красный ящик и достал оттуда лом. Кабанов попытался вручную поддеть двери, но они не поддавались. Словно, что-то мешало. «Эх! Сейчас бы Семёна Максимыча сюда! Он бы быстро разобрался!» – вспоминал мужчина о своём друге. Но никакого Семёна Максимыча не было. Был только он и застрявший лифт.

Степан нагнулся, чтобы убрать лом и взять что-то помощнее. Двери щёлкнули и открылись. Сами по себе. Кабанов был прав: лифт встал между этажами. Он оценил взглядом расщелину и понял, что протиснуться, хоть и с его не самой стройной фигурой, можно. Мужчину смутило только одно: там, наверху, на пятом этаже, было подозрительно темно, и только крошечные лучи холодного света падали на бетонный пол. Это странно, ведь Степан Геннадьевич точно помнил, что свет был. Тёплый и надоедливый, колющий глаза, но был. Кабанов решил, что просто лампа перегорела. Но эти лучи... Лучики... Откуда они?

«Степан! Хватит забивать голову всяким ненужным! Тебе сейчас самое главное выбраться отсюда и позвонить начальству. Хватит воображать!» – подбодрил он сам себя и зацепился руками за выступ. Мужчина, рывком, выскользнул из застрявшего лифта. Он встал, отряхнулся и замер.

Было почти темно, только маленькие белые кружочки света блестели на бетонном полу, но это не помешало Степану разглядеть обстановку пятого – как он думал – этажа. Пол был, словно, в каком-то мусоре, пыли, что странно, ведь подъезд был наичистейшим. Стены были усыпаны тёмным, размазанными пятнами. Кабанов не мог разглядеть их цвет, или просто не хотел. Ведь если бы он разглядел... Если бы он разглядел...

Этаж был не в самом лучшем состоянии. Степан Геннадьевич предположил, что грязь на полу – это осыпавшаяся краска с трухлявых стен. С потолка что-то капало. Не вода. Что-то густое и вязкое. Это «что-то» противно шлёпалось на пол.

Глаза немного привыкли к темноте, и Кабанов увидел на стене цифры два и три. Два и три, вместо пяти, которая, по идее, должна там красоваться.

– Двадцать третий этаж? Что за чертовщина?!

Мужчина не смог двинуться с места и так и стоял – на пол шага от лифта. Что-то мешало ему сдвинуться. Страх бурлил внутри, но Кабанов не знал, чего он боится. Внутри себя Степан осознавал, что это не второй подъезд, и, даже, не девятнадцатый дом, но он не хотел этого принимать, потому что ему было страшно.

«Я мужчина!» – твердил он внутри, пытаясь заставить себя сделать хоть что-то. И вот, Степан Геннадьевич шагнул вперед – раз и два. Что-то хрустнуло, но он не хотел смотреть под ноги. Кабанов зажмурился и тяжело сглотнул. Он сделал ещё шаги – хруст нарастал – и вышел к лестнице. Степан понял, почему свет белыми росинками блестел на полу: к окну была приколочена какая-то тонкая, дырчатая доска. Фанера, если быть точнее.

– На кой-чёрт кому-то приспичило заколачивать окна?

Но это не самое страшное. Лестница... она... её не было! Просто какой-то бетонный обрыв. А там, внизу – пустота. Чёрное небытие. Там было настолько темно, что темнота на этаже казалась не темнотой вовсе. Степану Геннадьевичу хотелось знать, что там, но он не спешил проверить это на себе.

– Тьфу ты! – фыркнул Кабанов и плюнул в «чёрное месиво», как он сам его назвал.

Идея позвонить начальству как-то, сама по себе, пропала.

Степан словно лишился страха: он спокойно расхаживал по этажу, внимательно всё изучая и дёргая ручки закрытых дверей. Как оказалось, хруст под ногами – это осколки стекла. Всё бытовое. Никаких страшилок. Мужчина был уверен в «happy end'e».

Кабанову, пока что, было неохота размышлять о том, где, что, и почему. Странно, но его устраивала эта обстановка. Здесь спокойно, мирно, хоть и мрачновато. Ну, и что? Степан любил смотреть ужастики. Один или с Алёнкой. Главное, что нет детей!

Мужчина ещё решил подёргать ручки непронумерованных дверей. Их было три. Около «чёрного месива» – закрыта. Напротив лифта – закрыта. Осталась последняя, и она открылась. Степан Геннадьевич едва коснулся ручку кончиками пальцев, как дверь задрожала и распахнулась. Перед Кабановым предстал длинный серый коридор, который был как будто из черно-белого фильма. Внутри было светлее, чем на этаже, и *гораздо светлее*, чем в «чёрном месиве». Степан до сих пор оставался бесстрашным, поэтому перешагнул порог. Он словно, попал в параллельный мир. Всё здесь стало по-другому. Осознание себя и мира стало другое. Появился лёгкий, неуправляемый страх. Кабанов хотел уйти, но не мог: что-то не позволяло.

Затикали часы, но они были где-то далеко запрятаны меж этих серых стен. Тиканье нарастало.

В одно мгновение, вдоль всего коридора, по обеим сторонам, появились, такие же серые, двери, которые очень близко располагались друг к другу.

– Ой, ну, да! Найди в комнате часы и останови их!

Мужчина изображал из себя спокойного, как удав, человека, который попадал в подобную ситуацию постоянно, когда заходил в тот или иной лифт, но на самом деле... Страх в нём постепенно нарастал, захватывая в свои объятия самые чувствительные частички головного мозга.

Тиканье часов усиливалось, стало нагнетать. Казалось, что они не были замурованы в одной из стен, не были спрятаны за одной из дверей, а находились в голове Степана Геннадьевича, и каждое тик-так раздавалось с порцией новой головной боли. Мозг, будто, дрожал, ударяясь о стенки черепной коробки, но было терпимо. Пока что, терпимо...

– Стёпка!.. – послышалось оттуда же, откуда тикали часы.

Степан дёрнулся и панически стал рассматривать пустые стены.

– Стёпка!.. – снова пропищал голосок, да так тонко и натянуто, что в ушах начало гудеть.

– Кто здесь?! – резко и громко крикнул мужчина, удивившись своему голосу.

Он был такой же, как и тот, что звал Кабанова. Степан Геннадьевич, глубоко внутри себя понимал, кому может принадлежать этот голос. Понимал, но не хотел это, опять же, как-то принимать.

Часы затикали громче, и голос последний раз обратился к мужчине. Стены осыпались вниз, поднимая пыль чёрными клубьями. В ушах гудело, и Кабанов заткнул их пальцами. Что-то жидкое было в его ушной раковине, и Степан Геннадьевич вынул оттуда окровавленные пальцы. Краснота отлично рассматривалась даже в черно-белой темноте.

Но почему он не разглядел кровь на лестничной площадке?

Стен не было. Вместо них – «чёрное месиво». Был только пол. На него-то и упал мужчина, увидев свои пальцы в крови. Наш герой страдал гемофобией.

Пахло варёным луком и машинным маслом. Кабанов, понемногу, очухивался и очень чётко чуял это запах. До жути знакомый запах, но мужчина не помнил, откуда он. Степан почувствовал боль в боку: кто-то пнул его.

– Эй, Стёпка, чё разлёгся? Я же тебя ударил не так сильно, как обычно! – прозвучал писклявый, детский голосок, который уже приобретал мужской оттенок.

Тембр скакал, интонация тоже. Степан Геннадьевич всю жизнь считал этот звук самым противным. Звук взрослеющего, ещё детского, голоса. А ужаснейшая версия выходила из горла только одного человека.

Резко мужчина почувствовал боль в области лба, над глазами. Он провёл рукой по выпуклой части лица, и нашупал тёплую субстанцию, сразу поняв, что это. Степан не собирался

открывать глаза, чтобы не видеть свои пальцы красными (опять), но кто-то исподтишка пинал его уже не в бок, а по щиколоткам, сопровождая это своим писклявым «Стёпка!». Кабанов наклонил голову на бок и открыл глаза (ему пришлось открыть глаза). Напротив лица – истоптанные расшнурованные кроссовки, носки которых были покрыты тоненьким слоем уличной грязи. Мужчина узнал эти кроссовки; во рту ощутилась горечь, а на сердце – неприятная тяжесть и боль, словно, его забили камнями. Он, не окровавленной рукой, протёр свои глаза, а потом, всё-таки, обратил внимание на эту самую руку. Вместо крупной, мужской ладони, покрытой мозолями, была маленькая, аккуратная детская ладошка, в незначительных ссадинах. То кошка поцарапала, то на асфальт упал. Вместо толстых, волосатых пальцев были тоненькие детские пальчики, с аккуратно подстриженными ноготками, под которыми забился серый песок.

– Ты долго будешь валяться, лодырь? – неустанно пищал голос, что до невыносимого раздражало Степана.

– Егор, хватит! – он, всё же, перевёл взгляд на старшего брата.

Степан хотел ударить старшего брата, но что-то держало его.

Вытянутое, покрытое маленькими красноватыми прыщами, лицо (которое, было непонятно от кого взято, ведь в их семье все были круглолицыми), большой нос-картошка, большие губы, над которыми прорастали тёмные усики. Все признаки растущего организма, на самом деле, на лицо. Егор Кабанов не обладал особо привлекательной внешностью в свои пятнадцать. Да, красавцем его не называли, только если бабушка, а она была практически слепа. Единственной красивой чертой его лица были чистые, янтарно-зелёные глаза, которые подросток перенял от матери. Остальным двум сыновьям (среднему – Степану, младшему – Антону) достались обычные, отцовские серые глаза.

Кабанов старший прищурил глаза, и губы расплылись в ехидной ухмылке, открывая ряд кривоватых, желто-белых зубов. Егор всегда вызывал у Степана некое отвращение. Эта неаккуратность, неухоженность и невоспитанность... Это было ужасно. И куда только смотрели родители? Первый блин комом?

– Что ты там проямлил, а? – визгнул подросток, недовольно скривив рот.

– Я говорю, что хватит надо мной издеваться, – смело высказался Степан, чего никогда не делал.

Он помнил этот момент в его жизни, помнил, чем это всё закончится, но, почему-то, не мог сказать что-то иное. Кабанов мог говорить только то, что говорил в тот день. Любая другая фраза срывается с его языка в совершенно другой форме. В оригинальной форме.

Мужчина Мальчик поднялся на локтях, проморгался немного и тут же получил твёрдым носком изношенного кроссовка по челюсти. Голова тяжело рухнула и повернулась на бок. Из рта, вместе со слюной, вытекала кровь. Она пенилась, слюни окрашивались в розовый. Два зуба лежали в этой лужице. Кабанов открыл глаза и, тут же, провалился в обморок, узрев красные разводы на полу. Жидкий хохот раздался в тот момент, когда Степан ещё был в сознании.

Подростки для мужчины, с самого детства, были кучкой, а нет – кучей, самого худшего, что только бывает. Сгусток грубости и бездушия, от которого несёт едким потом.

– Стёпа! За мелким последи! – входная дверь захлопнулась.

Это мама ушла на работу.

Боль, снова, резко ударила в лоб. Челюсть болела не меньше. Кабанов встал, протёр глаза, а когда открыл их – перед ними, снова, детские ручонки, только ран было на них гораздо больше. Степан осмотрел всю маленькую комнату в которой находился. Его окинула волна ностальгии, внутри было какое-то странное, тёплое шевеление, которое, постепенно, растека-

лось по всему организму. У стены – сервант, напротив – диван, на диване – Антон, чиркающий что-то красным фломастером на стене.

– Антон! Что ты творишь?! Это же новые обои! – крикнул мужчина мальчик младшему брату и хотел сорваться, чтобы оттащить того от стены, но какая-то чертовски сильная вещь держала его за щиколотки и не отпускала. Он чувствовал прикосновение чьих-то цепких, холодных пальцев, но не мог даже наклонить голову, чтобы посмотреть.

Антон плавно развернул своё пухлое, румяное лицо и продолжил творить, проигнорировав брата. Конечно! Шестилетнего ребёнка в этом плане никогда не остановить!

А холодные пальцы всё держали худые ноги, теперь уже потолстевшего, Кабанова, и он наблюдал, как из-под тонкого стержня фломастера вырисовывались, такие же тонкие линии, закручивающиеся в кудрявые узоры на новых, белых обоях, которые они выбирали всей семьёй.

Вот и кончился фломастер. Степан облегчённо выдохнул и подумал, что мелкий перестанет вытворять свои художественные выходки, но мальчик с аккуратностью сполз с дивана и взял из серванта ещё один предмет для творения. Теперь уже синего цвета.

Кабанов ничего не мог поделать.

А время за окном текло моментально, буквально несколько минут назад было раннее утро, а сейчас уже смеркалось и в соседних домах окна загорались бело-жёлтым светом.

В скважине повернулся ключ, и в квартиру вошли родители

Потом темнота.

Мама стала кричать, папа снимал ремень с брюк.

И снова темнота, которая, как чёрная дыра, поглощала маленького (и не только) Степана. «Чёрное месиво».

Всё происходило резкими вспышками; у Степана Геннадьевича ныла голова, и он ничего не мог сообразить, просто шатался на месте, лениво моргая глазами.

Из коридора доносился ядовитый смех; в гостиную вошёл Егор. Но это был не тот Егор, которого привык видеть Кабанов. Это был молодой человек лет, примерно, двадцати, и Степану потребовалось менее пяти секунд, чтобы понять, что именно так выглядел его брат, когда разбился на мотоцикле пару десятков лет назад. Часть головы была, словно, перемолота в однородную кроваво-мясную кашу с кусочками раздробленного черепа и волос. Сломанная ключица торчала из распухшего, до невероятных размеров, сломанного плеча. Один глаз был скрыт гниющей опухолью. А второй, когда-то красивый, зелёный, был украшен красными прожилками на радужке, смотрел слепо, но уверенно. Из головы обильно сочилась кровь и желтовато-серая жидкость, стекая по, когда-то белой, футболке, по широким светлым штанам, образуя лужицу на паркете. Было просто невероятно, что он жив. Парень сделал пару шагов вперёд, словно запугивая младшего братца. Рот расплылся в, какой-то мёртвой ухмылке, оголяя нездоровые, коричневатые зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.